

явно продемонстрирована ответственность матерей за воспитание ребенка. Мать воспитывает человека человеком, научит ребенка говорить на своем родном языке. Но воспитание будущих матерей, нынешних молодых девушек - это задача не только матери, но и всего общества.

Одной из важнейших задач на современном этапе развития общества является воспитание девушек с

учетом этнической педагогики, привитие личностных качеств, которые станут мощной вспомогательной платформой казахским женщинам. Основа хорошего воспитания - национальные традиции. А девушка, воспитанная в духе национальных традиций, как будущая мать, в силах взрастить достойное молодое поколение, которое в будущем внесет свой вклад в дальнейшее развитие нашего государства.

Источники и литература:

1. Табылдиев А. Казахская этнопедагогика. Уч. пособие (на казахском языке). Алматы: Санат, 2001. 136 с.
2. Табылдиев А. Этнопедагогическое учение (на казахском языке). Кн. 2. Алматы: Білім, 2006. 95 с.
3. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека. Киев: Радянська школа, 1975. 8 с.
4. Сарсенбаева З.Н. Этнос и ценности (на казахском языке). Алматы: Полиграфкомбинат, 2018. 192 с.
5. Оразбекова К. Убеждение и совесть. Уч. пособие (на казахском языке). Алматы: Ана тілі, 1993. 133 с.
6. Байжанбаева Ж. Совет молодой хозяйке (на казахском языке). Алматы: Кайнар, 1995. 5 с.
7. Кажыбеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма). Алматы: Наука, 1986. 252 с.
8. Ахметова З. Наказ предков (на казахском языке). Алматы, 2012. 388 с.
9. Меириханова З. Дорогие мои девочки (на казахском языке). Алматы: ОлЖас. 2004. 3 с.
10. Табылдиев А. Казахская этнопедагогика. Уч. пособие (на казахском языке). Алматы: Санат, 2001. 104 с.
11. Калиев С., Молдабеков. Ж., Иманбекова Б. Этнопедагогика (на казахском языке). Учебник. Астана: Фолиант, 2007. 204 с.
12. Абай. Я – человек загадка... (составитель Г. Бельгер). Алматы: Аударма. 2009. 138 с.
13. Кенжеахметулы С. Семь сокровищниц (на казахском языке). Алматы: Ана тілі, 2006. 33 с.
14. Тохтабаева Ш.Ж. Этикет казахов. Алматы: Дайн-пресс, 2013. 310 с.
15. Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. Астана, 2017. 18 с.
16. Артыкбаев Ж.О. Этнография казахов. Этнос и общество. XVIII век (на казахском языке). Караганда: Изд-во КарГУ, 1995. 139 с.
17. Алимбаев М. Народ - воспитатель (на казахском языке). Алматы: Рауан. 1994. 38 с.
18. Проблемы воспитания детей в семье. Метод. уч. пособие. Алматы: Ақ толған ай. 2011. 115 с.
19. Жумабаев М. Сочинения. Алматы: Жазушы, 2013. Т. 2.
20. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 402 с.
21. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. М.: Просвещение. 1968. 281 с.
22. Макаренко А.С. О воспитании. М.: Политиздат. 1988. 105 с.
23. Исабаева Г. Радость семьи. Алматы: Кайнар. 1992. 216 с.

УДК 097

DOI 10.25513/978-5-7779-2434-6.152-155

А.П. Яркв

Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет

ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАЗАХОВ В ИРРЕДЕНТИЗМЕ

Статья рассматривает вопросы идентификации казахов в пространстве Степи. Процессы динамичны и зависят от политической и этноконфессиональной ситуации.

Ключевые слова: казахи; Степь; политическая ситуация.

A.P. Yarkov

IDENTIFICATION OF THE KAZAKHS IN THE IRREDENTIST

The article examines the identification of the Kazakhs in the space of steppe. Processes are dynamic and depend on the political and religious situation.

Keywords: Kazakhs; Steppe; the political situation.

Идентификация казахского населения, живущего за пределы современной казахской государственности, различна: на уровне гражданства, личности, внутри

группы (этнуса), от наблюдающих со стороны. Касается это и той части казахов, что проживают в Азиатской части Российской Федерации. Истоки многих

аспектов заявленной темы заключены в истории российско-казахстанского приграничья. Хотя и абсолютизировать политическую «составляющую» нельзя.

Вхождение значительной части казахских земель в состав Российского государства, с одной стороны (в отношении казахов), привело к этноконсолидации и реформированию местной уммы, осознанию себя «казақ» и «муслим», с другой (и не только казахов), – «некрепких в вере» вернуло к «язычеству» предков или привело «нестойких» в христианство.

Новое время отмечено активными этническими процессами, протекавшими под влиянием политических и религиозных факторов. Не все тюркоязычные сибиряки исповедовали ислам, но почти все казахи (исключение – новокрещёные) идентифицировали себя только с мусульманами. Но и принадлежность к одному этносу и умме – не препятствие к вражде. Так, казахи, страдая от взаимных нападений, а также набегов калмыков, искали защиты у Российского государства. Оно, конечно, пыталось использовать ситуацию – поддержкой христианизации и русификацией. В результате появились туратинские (крещёные) казахи, *джатаки* и *шалаказаки*.

Само наименование «*шалаказах*» имеет несколько трактовок: от современного негативного (а ныне иногда и оскорбительного) контекста – «полуказахи» (или «недоказахи») до определения их как особой этносоциальной категории (а некоторые ученые полагают – этнографической группы), начавшей складываться в XVIII–XIX вв. в результате взаимодействия живших на границе Степи казахов с выходцами из Поволжья и Центральной Азии. Например, относили к *шалаказахам* метисов, родившихся от браков татар, уйгуров и др. с казашками. Заметим, что *шалаказахами* именовали также соплеменников из одного из подразделений рода *мамбет* племени *найман*, окыргызившихся казахов из рода *абла* племени *сарыбагыш* [1, с. 10–11]. В любом случае это говорит о продолжающихся этнических процессах и/или неполноправном социальном и культурном положении этой группы населения, «родившейся» от соприкосновения различных этносов и общественных страт на очередном «изломе эпох».

С 1720 г. «воспринявших христианскую веру» предписывалось награждать и освобождать «от всяких сборов и податей» на 3 года. Вскоре противником крещения стало само государство, но не по мировоззренческим или политическим причинам, а вследствие материальных потерь. Оседание кочевников вблизи крепостей и городов давало надежду на защиту и помощь империи, а ситуация толкала к поиску таких «ниш», где можно было не только выжить, но и поднять статус. Так, в Омском уезде 869 казахов заняли территорию в 2400 верст², основав там несколько поселений [2, с. 180]. Свободные же мигранты стремились подселиться к ранее обосновавшимся, близким по языку и обрядам.

В России усложнялась схема межличностных отношений на социальной и этноконфессиональной основе. Негативная реакция на информацию, например, о мусульманском «фанатизме» пришедших кномадам

«тюркестанских мулл», формировала стереотипы. Это углубило социальный и психологический антагонизм между «русским центром» и коренным населением края, типизировавшимся с помощью терминов «*азит*», «*мусульманин*», «*киргиз*», попадающих в обобщенно-политическую категорию «зла».

Большая часть казахов оставалась в рамках традиционализма и, соответственно, мифологизированного сознания, где отказ от поспешности введения инноваций в отдельных институтах – гарантия стабильности. Так, в оппозиции мужчина / женщина культура мусульман поддерживала приоритет ценностного (изначального) преимущества мужчины [3, с. 38].

В XIX в. стало очевидным расширение воздействия вестернизированной системы на развитие новых форм культуры. Тот процесс был растянут по времени и связан с многими внешними обстоятельствами, но эффективен. Местная умма стала жить духовно многообразнее, приобщаясь (хотя бы на уровне элиты) к книжной культуре. Ею же подпитывались и областники, проявляя интерес к образу мышления земляков, не принадлежащих к христианству. В тот период выбор ОМДС татарского языка как служебного при разрешении богословских и имущественных споров поднял его статус и стимулировал выпуск книг. Само чтение на арабском, тюркских, фарси и русском (его знание было обязательно при утверждении на должность муллы) расширяло интеллектуальное пространство. Оно приучало к многомерности мира с его различием норм и форм поведения индивида, к преодолению конфликтных ситуаций мирным способом. К концу столетия мусульмане в Азиатской части Российской Федерации (и не только в Степи) занимали все ступени социальной лестницы. Там были чиновники, офицеры, купцы, учителя, и т.д. На «нижней ступени» – ссыльные (их иногда власти отправляли на «прокорм и проживание» по селениям единоверцев – фактически для перевоспитания), *джатаки* и др.

РПЦ осуждала совместное проживание христиан, мусульман, буддистов, «язычников», но это уже трудно оказалось контролировать в городах, приисковых и пришахтных посёлках, на строительстве Транссибирской магистрали. Власти пытались поддержать РПЦ в отделении христиан от «инородцев», но и стремились использовать потенциал ислама. В поощрении исламизации Степи была мечта власти – объединить кочевников под дееспособной идеологией и управлением местной элиты, которая сможет пресечь беспорядки. Среди мусульман произошли серьёзные изменения в типологии взаимодействия культуры и образования, в т.ч. из-за русификации. В крае появились Главные и Малые народные училища – учебные заведения, куда допускались и мусульмане. Практика совместного обучения прорвала изоляционизм, способствуя социальной мобильности. Не все этот путь приветствовали, предпочитая отдавать детей в мектебе [4, с. 535]. Касаясь «исламского элемента» в казачестве, заметим, что власть по-прежнему использовала этот ресурс стабильности в мусульманской среде, поддерживая рядовых казаков из казахов льготами, а элиту – дополни-

тельными предпочтениями. Живя уже в казачьих или смешанных селениях, иные принимали православие, русские имена и фамилии.

По мере внедрения новых ценностей изменялись представления, но не все и не у всех. Власти реалистичнее оценивали региональные, религиозные и этнические особенности. Военно-рекогносцировочные отряды и научные экспедиции выясняли, чем отличались по местным особенностям исламские обычаи и ритуалы, насколько они были «вплетены» в тамошнее политическое устройство и традиции, какой исторический опыт сосуществования с «другим» имело население. В «старых» городах и селениях вопрос о земельных участках для проживания, мечети, мектебе присутствовал всегда. Но в «новых» и кладбища – информационный знак о наличии там уммы.

Поскольку некоторые мусульмане, прибывавшие в Степь из Казахстана, Средней Азии и с Кавказа, несли крайне радикальные идеи (в т.ч. о *газавате*), то это требовало от властей усилий по их выявлению и выдворению. Помогали в этом миссионеры из крещённых тюрок, поскольку знали языки, догматы прежней веры и обычаи. Выявляли они и «уклоняющихся» в ислам [5, с. 55, 293-294]. Тогда в дело вступали полиция и суд.

Взаимоотношения мусульман с соседями принимали устойчивый характер добрососедства. Этому способствовал формирующийся билингвизм элит. Крепкие связи содействовали дальнейшему проникновению элементов «иной» культуры, а обогащенное духовное пространство разрушало замкнутость, обособленность. «Пестрота» вообще способствовала процессу аккультурации, т.е. заимствованию объектов, норм, ценностей. Это явление имело, по мнению властей, и «обратную сторону медали»: если дружба и взаимопомощь (*тамырство*) заходили слишком далеко (по мнению надзирающих за нравственностью духовных лидеров разных конфессий), то следовали выводы: «...хоть и бывали случаи соращения из православие в магометанство, но в незначительной мере и в большей степени из новокрещённых, которые, живя по привязанности у бывших своих единоверцев, скрывают, не брегут, иногда по невежеству, о выполнении догматов исповедуемой ими веры» [6, с. 151].

В сохранении устоев веры были заинтересованы и мусульмане, готовя кадры (иногда династии), которые могли бы достойно отвечать иным из назойливых миссионеров. Их учебные заведения были «из другого мира» и с государственной системой общего не имели: мектебе и медресе находилось в ведении служителей культа, содержались за счёт населения. С другой стороны, получившие не только религиозное, но и светское образование Ч.Ч. Валиханов, А.Н. Букейханов и др. восприняли многое из европейской культуры, сохраняя верность убеждениям. Еще дальше в этом вопросе пошли *джадиды*. Пересечение традиционного и инновационного можно увидеть и в европейской планировке в степных городах татарских, бухарских, ташкентских слобод, облике мечетей. Если просьбы

об их строительстве по «образцовым планам» рассматривались уездными властями и ОМДС, то финансы изыскивали прихожане. Во многом это удалось из-за возросших возможностей мусульман.

Идентификация по религиозному признаку на фоне не оформившегося этнического (тугумная принадлежность важнее) [7, с. 11] – всего лишь «ответ» на «вызов» эпохи – миссионерского давления РПЦ и русификаторского – со стороны правительства.

Значимо укрепление идеи самоорганизации, а традиционной формой её проявления стали съезды: областные, уездные, волостные и т.д., названные «мусульманскими». Это наименование, как полагал С.М. Исхаков, – не абстракция. Оно отражало существование общины (общности, социума) российских мусульман (на основе их самоощущения), включавших различные этносы. Большинство мусульман не отделялось от «инородцев», откликаясь на инициативы. Так, от имени делегатов - инородцев томского губернского народного собрания (проходил в апреле - мае 1917 г.) телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов подписал казах Кынев, а съезд представителей инородческих вол. Алтая в июле 1917 г. приветствовал представитель Благотворительного общества З.Т. Габдулхаков [8, с. 28, 115].

В советские годы продолжилось административное переустройство региона, связанное со стремлением «огосударствить этничность». Татары, бухарцы, казахи и башкиры, жившие на границе республик, оказались «разорванными», но это не было болезненным. Сохранялась и «плавающая этничность»: иные казахи определяли себя согласно тугумным наименованиям, а лишь затем – казахами, но, в представлении верующих, «всегда мусульмане». Поэтому у многих процесс административно-территориального размежевания не вызвал реакции, какая наблюдалась в других регионах СССР после «топорного разделения».

Поскольку религия не только для царской власти нередко выступала критерием этнической и языковой идентичности, то и в первые годы советской власти это отражалось в наименованиях (например, мусульманский детский дом). В немногочисленных мусульманских ячейках РКП(б) и РКСМ ещё только шло формирование советских кадров управленцев. В последующий период было решено «покончить» с внешней религиозностью, но с внутренней обстояло сложнее (опрос учащихся в школах показал – число верующих колебалось от 28 до 80%). Вера уходила в приватную сферу, институализировалась в этике, капсулировалась в традициях и самосознании.

Возрождение в 1990-е гг. проходило неоднозначно. Большинство мусульман настораживала информация о приобщении молодёжи к социально опасным идеям, а то и вовлечении в незаконные вооруженные формирования, агитация за выезд в «горячие точки» для борьбы с кафирами, к которым причисляли и тех, кто поддерживал светское устройство государства. Если все советские годы казашки через одежду и, особо, повязанный платок могли «говорить» о своей принадлежности, то мужчины надевали голов-

ной убор только в ритуальных случаях. А вот борода укрепляла их повседневную самоидентификацию. На идее возрождения идентичности основывались те, кто пытался при введении в школах раздела «Духовно-нравственное воспитание» апеллировать к родителям при выборе курса «Основы мусульманской культуры».

Умма всей Северной Азии представляет собой неравновесную систему, состоящую из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

Источники и литература:

1. Жакупов Ж. Шала Казак: прошлое, настоящее, будущее. Алматы: Б.и., 2009. 148 с.
2. Октябрьская И.В. Праздник жертвы Курбан-айт (этнографические наблюдения в ауле Карасарт Карасукского района Новосибирской области 2010 года) // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 2011. С. 176-184.
3. Ислам на краю света: История ислама в Западной Сибири. В 3 т. Т. 3: Трансформация уммы в XIX-XXI вв. М.: Б.и., 2015. 444 с.
4. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Новосибирск: Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. 784 с.
5. Миропиев М.А. Положение инородцев в Сибири. СПб., 1901. 284 с.
6. Маняхина М.Р. Становление и развитие поликонфессионального взаимодействия в культуре Сибири в XVIII в. // Вестник Тобольского гос. пед. инст. 2003. №1. С. 149-153.
7. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 208 с.
8. Майдурова Н.А. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг. (От Горной думы к Каракоруму). Горно-Алтайск: Универ-Принт ГАГУ, 2002. 188 с.